

В. А. Батырь

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия «агрессия» и проблемы совершенствования российского законодательства

Резюме. В статье на основе исследования доктринальных источников, договорно-правового регулирования и материалов судебной практики определены правовые модели установления актов агрессии: нюрнбергско-токийская модель (как договорная, лишь констатирующая факт агрессивной войны и в определенной степени функциональная для целей установления индивидуальной уголовной ответственности) и универсальная модель ООН (или политико-правовая модель, связанная с установлением акта агрессии как нарушения территориальной неприкосновенности или политической независимости государств и с последующей передачей дела в Международный уголовный суд для привлечения к ответственности виновных лиц). Отмечена тенденция установления завышенной «международности» в определении актов агрессии посредством отстранения национальных юрисдикций от возможности квалификации актов вооруженного нападения через констатацию уставного полномочия Совета Безопасности ООН в определении совершенного акта агрессии (ст. 39 Устава ООН). Рассмотрены региональные и двусторонние модели противодействия актам агрессии в рамках выполнения союзнических обязательств. Предложена объективная модель пресечения вооруженного нападения и его последствий как субъективного вменения потерпевшим государством (группой государств) совершения акта агрессии государству-агрессору (группе государств), которая может быть реализована в законодательстве и правоприменительной практике России. Статья отражает основные тезисы выступления профессора В. А. Батыря 28 мая 2024 г. на круглом столе в Совете Федерации Федерального Собрания РФ на тему «Понятие “агрессия” в международном праве и российских доктринальных документах».

Ключевые слова: агрессия; агрессивная война; нюрнбергско-токийская модель; универсальная модель ООН; региональная, двусторонняя модель противодействия актам агрессии; объективная модель пресечения вооруженного нападения и его последствий; преступление против мира; право на индивидуальную или коллективную самооборону; принципы международного права; Международный Суд ООН; Международный уголовный суд; Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; военное положение; право военного времени

Для цитирования: Батырь В. А. Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия «агрессия» и проблемы совершенствования российского законодательства. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 95–116. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116

Conceptual Approaches to the International Legal Definition of the Concept of «Aggression» and the Problems of Improving Russian Legislation

Vyacheslav A. Batyr

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on the study of doctrinal sources, contractual legal regulation and judicial practice materials, the paper defines legal models for the establishment of acts of aggression: the Nuremberg-Tokyo model (as a contractual one, only stating the fact of aggressive war and to a certain extent functional for the purpose of establishing individual criminal responsibility) and the universal UN model (or a political and legal model related to the establishment of an act of aggression as a violation of the territorial integrity or political independence of states and with the subsequent transfer of the case to the International Criminal Court for prosecution to bring the perpetrators to justice). There is a tendency to overestimate the «internationality» in defining acts of aggression by removing national jurisdictions from the possibility of qualifying acts of armed attack by stating the statutory authority of the UN Security Council in determining the committed act of aggression (Article 39 of the UN Charter). The «regional» and «bilateral» models of countering acts of aggression within the framework of fulfilling allied obligations are considered. An objective model of suppressing an armed attack and its consequences is proposed as a subjective imputation by the injured state (group of states) of committing an act of aggression to the aggressor state (group of states), which can be implemented in the legislation and law enforcement practice of Russia. The paper reflects the main points from the speech delivered by Professor Batyr on May 28, 2024 at a round table in the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on the topic «The concept of aggression in international law and Russian doctrinal documents».

Keywords: aggression; war of aggression; Nuremberg-Tokyo model; United Nations universal model; regional, bilateral model of countering acts of aggression; objective model of suppression of armed attack and its consequences; crime against peace; right to individual or collective self-defense; principles of international law; International Court of Justice; International Criminal Court; Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation; martial law; laws of war

Cite as: Batyr VA. Conceptual Approaches to the International Legal Definition of the Concept of «Aggression» and the Problems of Improving Russian Legislation. *Lex Russica*. 2025;78(1):95-116. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116

Введение

Определение агрессии как политико-правового феномена справедливо относят к числу наиболее сложных вопросов современного международного права, а преступление агрессии считается наиболее тяжким деянием, направленным против международного мира, со времен Нюрнбергского трибунала¹, чем и объясняется потребность в их теоретико-методологическом осмыслении². Это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, преобладающие в российской и зарубежной доктрине подходы позволяют констатировать, что совершение акта агрессии предполагает осуществление активных действий государства³ (в лице подконтрольных ему вооруженных сил, действующих от его имени и в его интересах), состоящих в применении вооруженного насилия против территории другого государства, его вооруженных сил (сухопутных, морских или воздушных) либо территориальных объектов (в том числе государственных морских и воздушных судов).

¹ Кибальник А. Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 300.

² Лобач Д. В. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021. № 3. С. 38.

³ Понятие «государство» охватывает различные органы управления, а также представителей государства, действующих в таком качестве. См.: Конвенция ООН «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности», принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 02.12.2004 59/38. Подпункты (i) и (iv) п. 1(b) ст. 2 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml.

Во-вторых, с доктринальной точки зрения представляется возможным обозначить две достаточно четко определенные правовые модели установления актов агрессии: нюрнбергско-токийскую (как договорную, лишь констатирующую факт *агрессивной войны* и в определенной степени функциональную для целей установления индивидуальной уголовной ответственности) и универсальную модель ООН (или политико-правовую модель, связанную с установлением акта *агрессии* как нарушения территориальной неприкосновенности или политической независимости государств и последующей передачей дела в Международный уголовный суд для привлечения к ответственности виновных лиц). Полагаем, что основу такой дифференциации образует использование в первой модели производного от латинского слова «*aggressio*»

(«нападение») имени прилагательного, а во второй — имени существительного. Для противодействия актам агрессии в рамках выполнения союзнических обязательств также разработаны, но в меньшей степени исследованы региональные и двусторонние модели.

В-третьих, предварительной констатации подлежит тот факт, что в советской⁴ и российской⁵, а также зарубежной⁶ литературе явно прослеживается тенденция установления завышенной «международности» в определении актов агрессии посредством отстранения национальных юрисдикций от возможности квалификации актов вооруженного нападения через констатацию уставного полномочия Совета Безопасности ООН в определении совершенного *акта агрессии* (ст. 39 Устава ООН). При этом инициализация привлечения индивидов к уголовной ответствен-

⁴ См.: Ромашкин П. С. Агрессия — тягчайшее преступление против мира и человечества // Советское государство и право 1963. № 1. С. 55–67; Оманидзе М. М. Об определении понятия агрессии // Правоведение. 1975. № 2. С. 119–125; Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия — тягчайшее международное преступление М.: Юридическая литература, 1980.

⁵ См.: Глотова С. В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2. С. 87–96; Иногамова-Хегай Л. В. Вопросы преступления агрессии в международном уголовном праве // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Европейская комиссия, 2008. С. 164–186; Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 112–120; Тимошков С. Г. Формирование юрисдикции Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 136–141; Он же. Агрессия как международное преступление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2017; Дзейтова Р. Б. Основание индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024; Малахова О. В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2003.

⁶ См.: Бьюньон Ф. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2002. № 847. С. 205–233; Blokker N. The Crime of Aggression and the United Nations Security Council // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 867–894; Cassese A. On Some Problematical Aspects of the Crime of Aggression // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 841–849; Daboné Z. International law: armed groups in a state-centric system // International Review of the Red Cross. 2011. Vol. 93. Iss. 882. P. 395–423; Kamto M. L'agression en droit international. Paris: A. Pedone, 2010; Kramer R. C., Michalowski R. J. War, Aggression and State Crime: a Criminological Analysis of the Invasion and Occupation of Iraq // British Journal of Criminology. 2005. Vol. 45. No. 4. P. 446–469; Kress C. The Crime of Aggression before the First Review of the ICC Statute // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 851–865; McDougall C. The Crime of Aggression under the Rome Statute of the International Criminal Court. Cambridge Univ. Press, 2013; Muller-Schieke I. K. Defining the Crime of Aggression under the Statute of the International Criminal Court // Leiden Journal of International Law. 2001. Vol. 14. No. 2. P. 409–430; Zourek J. Enfin une définition de l'agression // Annuaire français de droit international. 1974. Vol. 20. P. 9–30; Pancraccio J. P. Un mutant juridique: l'agression internationale // Institut de Recherche Stratégique de l'École Militaire — IRSEM. 2011. № 7; Reisinger Coracini A. Evaluating domestic legislation on the customary crime of aggression under the Rome Statute's complementarity regime // The Emerging Practice of the International Criminal Court / ed. by C. Stahn and G. Sluiter. Leiden; Boston, 2009. P. 725–754.

ности также напрямую связана с установлением юридического факта агрессии, т.е. отнесена к надгосударственному уровню.

В связи с существующими угрозами совершения актов агрессии, имеющими целью разрушение российской государственности, вполне уместна и своевременна постановка проблемы, связанной с определением целесообразности совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве Российской Федерации в целях адекватного реагирования на военные угрозы и превентивного воздействия на источники таких угроз.

Основная часть

«Агрессивная» как имя прилагательное используется в *нюрнбергско-токийской* договорной правовой модели⁷ и является частью речи, с помощью которой обозначают признак предмета, его качество и свойство; в частности, в словосочетании «агрессивная война» именем существительным будет слово «война». Такой подход к установлению противоправности войны основан на толковании термина в узком смысле, предполагающем масштабные (продолжительные) *агрессивные* войны, а понятие получает не более чем концептуальную интерпретацию. Современная международная судебная практика по преступлению агрессии ограничивается лишь нюрнбергским и токийским процессами по итогам Второй мировой войны⁸.

Данная модель предполагает договорное установление (фиксацию) факта агрессивной

войны (равно как и войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений) и учреждение международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников посредством установления индивидуальной уголовной ответственности. Эта модель не подразумевает (хотя прямо и не исключает) осуществление национальной юрисдикции по преступлению «агрессия».

Следует полагать, что эта модель сложилась под влиянием международно-правовых актов, принятых в первой половине XX в. и осуждавших применение вооруженного насилия. Так, с целью предупредить обращение к силе в отношениях между государствами была принята Конвенция о мирном решении международных столкновений (Гаага, 18 октября 1907 г.). В соответствии со ст. 1 Конвенции об ограничении применения силы при взыскании по договорным долговым обязательствам (Гаага, 18 октября 1907 г.) государства согласились не прибегать к вооруженной силе для истребования договорных долгов, взыскиваемых правительством одной страны с правительства другой страны, как причитающихся ее подданным. Конвенция об открытии военных действий (Гаага, 18 октября 1907 г.)⁹ в ст. 1 установила: «...военные действия... не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или *форму* мотивированного объявления войны, или *форму* ультиматума с условным объявлением войны»¹⁰.

В дальнейшем Статут Лиги Наций от 28.07.1919 уже не просто ограничивал право

⁷ Статья 6(а) Устава Нюрнбергского трибунала, который прилагался к Лондонскому соглашению от 08.08.1945, криминализовала преступления против мира, «а именно: планирование, подготовку, развязывание или ведение *агрессивной войны* или *войны* в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий» (влекущих за собой индивидуальную ответственность) (URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>). В свою очередь, статья 5(а) Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока содержала похожую, но несколько более широко сформулированную норму: «Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение *объявленной или необъявленной* агрессивной войны или войны, *нарушающей международное право, договоры, соглашения или заверения*, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из вышеупомянутых действий». См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902053853>.

⁸ В исторических исследованиях отмечается, что первым, кто предстал перед судом за ведение агрессивной войны, был претендент на пост сицилийского короля Конрадин фон Гогенштауфен в 1268 г. См.: *Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 312.*

⁹ Российская Федерация участвует с 27 ноября 1909 г. (в силу правопреемства).

¹⁰ Выступая по радио 22 июня 1941 г., В. М. Молотов сказал, что германские войска напали на СССР «без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, *без объявления войны*». См.: Текст выступ-

государств-членов прибегать к войне, но предусматривал применение санкций в отношении тех государств-членов, которые вступили бы в войну в нарушение его постановлений¹¹. В свою очередь, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана — Келлога, или Парижский пакт от 27.08.1928)¹² осудил обращение к войне для урегулирования международных споров, и государства обязались отказаться от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики (ст. 1). А вот Конвенция об определении агрессии (Лондон, 3–5 июля 1933 г.)¹³ была принята с целью «определить возможно более точным образом понятие агрессии, дабы

предупредить всякий повод к ее оправданию» (собственно действия, образующие агрессию, перечислены в ст. II Конвенции).

Вполне очевидно, что указанными выше международными договорами руководствовались в 1945 г. разработчики Берлинской декларации (или Декларации о поражении Германии)¹⁴, Лондонского соглашения¹⁵, а признаки преступления агрессии были восприняты Уставом Нюрнбергского международного военного трибунала¹⁶ и Уставом Международного военного трибунала для Дальнего Востока¹⁷. Вместе с тем по условиям безоговорочной капитуляции сил государств-агрессоров Германия и Япония передавали свою верховную власть странам —

ления по радио заместителя председателя СНК СССР наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова: рукописный вариант. [Б. м.], 22 июня 1941. 4 л. // URL: <https://www.prlib.ru/item/456566>.

¹¹ Так, согласно ст. 10 Статута «члены Лиги обязуются уважать и охранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства». В статье 16 Статута указано, что если член Лиги прибегает к войне, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. 14 декабря 1939 г., на 20-й сессии Ассамблеи Лиги Наций, СССР был признан виновным в агрессии против Финляндии и постановлением Совета Лиги Наций (принятого с очевидными нарушениями) исключен из ее состава.

¹² СССР присоединился к Договору 29 августа 1928 г., он вступил в силу для СССР 27 апреля 1929 г. РФ участвует в нем в силу правопреемства.

¹³ На сайте МИД РФ указана как действующая лишь редакция от 03.07.1933. См.: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51486/.

В действительности Лондонскую конвенцию с идентичным содержанием подписывали три раза: 3 июля — представители СССР, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Турции, Ирана и Афганистана (в 1934 г. к этой Конвенции присоединилась Финляндия); 4 июля — представители СССР, Чехословакии, Югославии, Турции и Румынии; 5 июля — представители СССР и Литвы. Участие Турции и Румынии в двух конвенциях идентичного содержания объяснялось желанием стран, входивших в состав Балканской Антанты и Малой Антанты, подписать конвенцию в качестве государств — участников соответствующих блоков. Конвенции ратифицированы ЦИК Союза ССР 17 августа 1933 г., вступили в силу для СССР 17 февраля 1934 г. Единообразный текст конвенций опубликован в: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1934. Отд. II. № 6. Ст. 46.

¹⁴ Декларация о поражении Германии и принятии верховной власти в отношении Германии правительствами Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Временного правительства Французской Республики // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/171883>.

¹⁵ Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 08.08.1945) // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/241259>.

¹⁶ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/376004-ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-8-avgusta-1945-g>.

¹⁷ URL: <https://docs.cntd.ru/document/902053853>.

Токийский международный военный трибунал был создан без договора в его классическом понимании на основании Потсдамской декларации и решения Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (1945 г.). См. подробнее: Малеев Ю. Н. Кого и как судили в Нюрнберге (история с продолжением) // Международное право. 2006. № 3 (27). С. 191–220.

союзницам по антигитлеровской коалиции¹⁸, т.е. юрисдикция трибуналов была производна от национальной юрисдикции капитулянтов. Этот непреложный вывод подтверждается материалами судебной практики¹⁹.

В конечном итоге нюрнбергско-токийская модель фиксирует четыре элемента, характеризующих войну как «агрессивную» (в частности: планирование, подготовку, развязывание или ее ведение), и не содержит детальный перечень действий, образующих «акты агрессии». И это неудивительно, поскольку использованные в уставах международных военных трибуналов формулировки предназначались лишь для установления индивидуальной уголовной ответственности и наказания главных военных преступников. По нашему мнению, сегодня эта модель может быть задействована лишь в отношениях между государствами, связанными обязательствами по договорам, осуждающим и криминализирующим применение вооруженного насилия.

Сформулировав задачу изменить Россию как великую державу путем ее расчленения и уничтожения, в условиях делящегося международного вооруженного конфликта на Украине страны Запада настойчиво продвигают идею²⁰ о создании «специального трибунала по преступ-

лениям агрессии России»²¹, в основе которой несложно разглядеть нюрнбергско-токийскую модель. В том же русле, но в противоположном направлении — к торжеству справедливости — в России идет проработка «общей формулы» проведения международного трибунала по военным преступлениям, совершенным на Украине киевским режимом²².

Политико-правовая универсальная модель ООН связывает угрозу силой или ее применение (как акт агрессии) с нарушением «*территориальной неприкосновенности или политической независимости*» государства. Она концептуально развивает положения, заложенные в Статуте Лиги Наций, о передаче государствами права на установление факта агрессии и принятие мер против агрессора международной межправительственной организации. В ее основе лежит парадигма использования термина «агрессия» как имени существительного, которое представляет собой самостоятельную часть речи, обозначает предмет или явление и отвечает на вопросы «кто?» или «что?». Несмотря на то что в международном праве отсутствует универсальное договорное закрепление понятия «агрессия», данная модель предполагает установление (фиксацию) факта агрессивной войны единственным уполномоченным

¹⁸ См.: Акт о военной капитуляции Германских Вооруженных Сил (Берлин, 8 мая 1945 г.) // URL: <https://base.garant.ru/2569366/>; Акт о капитуляции Японии (Токийская бухта, 2 сентября 1945 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901785619>.

¹⁹ Так, в решении ЕСПЧ от 02.03.2005 «По вопросу приемлемости жалоб № 71916/01, 71917/01 и 10260/02 “Вольф-Ульрих фон Мальцан (Wolf-Ulrich von Maltzan) и другие”, “Маргарете фон Цитцевитц (Margarete von Zitzewitz) и другие” и “Ман Ферроштааль” (Man Ferrostaal) и Альфред Тепфер Стифтунг (Alfred Topfer Stiftung) против Германии» было установлено (п. 80(a)), что послевоенная оккупация Германии была «оккупацией sui generis», которая «предоставила полномочия суверенитета» союзным державам. См.: URL: https://e-ecolog.ru/docs/-w7smw6t243dtmE9V6ySJ?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

²⁰ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1841537/.

²¹ Так, в ноябре 2022 г. Европейская комиссия высказалась за создание трибунала по агрессии. Тогда же она предоставила на рассмотрение членов Европейского Союза две опции: 1) создание специального независимого международного трибунала на основании многостороннего договора и 2) создание гибридного трибунала — специализированного суда, интегрированного в национальную систему правосудия, с международным составом судей (URL: https://zakon.ru/blog/2023/03/10/tribunal_po_prestupleniyu_agressii_vozmozhny_varianty). В январе 2023 г. была принята Резолюция Европейского парламента о создании специального трибунала «по преступлениям агрессии России против Украины» (URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230113IPR66653/ukraine-war-meps-push-for-special-tribunal-to-punish-russian-crimes>). С 2023 г. действует Международный центр по расследованию преступления агрессии против Украины (ICPA, встроенный в Eurojust) (URL: <https://www.eurojust.europa.eu/international-centre-for-the-prosecution-of-the-crime-of-aggression-against-ukraine>).

²² URL: <https://iz.ru/1578875/2023-09-25/v-mid-rf-zaiavili-o-sozdanii-mezhdunarodnogo-tribunala-po-prestupleniam-kieva>.

1 марта 2022 г. был создан Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников (URL: https://www.oprf.ru/detail_project/36).

органом — Советом Безопасности ООН и последующую передачу дела в Международный уголовный суд для установления индивидуальной уголовной ответственности. Очевидно, что об осуществлении национальной юрисдикции в рамках рассматриваемой модели речь тоже не идет.

Рассматриваемый подход криминализирует применение вооруженной силы в межгосударственных отношениях через нарушение общепризнанного принципа международного права неприменения силы или угрозы силой (п. 4 ст. 2 Устава ООН). В рамках данной модели пределы противоправности существенно шире: нет необходимости в констатации «агрессивной войны», поскольку важен сам факт осуществления враждебного акта («применения силы») против охраняемых интересов государства либо покушения на совершение такого деяния или угрозы совершить его. Однако при таком подходе требуется обоснование нарушения «территориальной неприкосновенности» и (или) «политической независимости», что не во всех случаях проблемно.

Следует полагать, что «агрессия» — понятие современного международного права, которое охватывает любое неправомерное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства как нарушение обязательства *erga omnes* (обязательства относительно всех), вытекающего «из объявления вне закона актов агрессии»²³. Агрессия не может быть оправдана никакими соображениями любого характера (политического, экономического, военного или иного) и является

преступлением против международного мира. Также понятие агрессии включает в качестве обязательного признака *первенства* или *инициативы* (применение каким-либо государством или коалицией государств вооруженной силы первыми).

Действуя в русле договорных обязательств по Уставу ООН, мировое сообщество признает дискреционные полномочия Совета Безопасности ООН по установлению факта совершения агрессии и принятию принудительных мер, направленных на подавление актов агрессии²⁴. Однако Совет Безопасности ООН может сделать вывод о том, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера и поэтому не могут быть квалифицированы в качестве агрессии (например, пограничный инцидент). В этом случае идет речь о дифференциации степени общественной опасности противоправного применения вооруженного насилия. Обязательство государств подчиняться решениям Совета Безопасности ООН и выполнять их закреплено в ст. 25 Устава ООН. У России, как, впрочем, и у других постоянных членов Совета Безопасности ООН, есть мощный рычаг влияния на принятие таких решений (право вето)²⁵.

В этом ключе «Определение агрессии» (утверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 3314 (XXIX)) формулирует основные принципы в качестве руководства для определения агрессии Советом Безопасности ООН (10-я мотивировка) и исходит из того, что таковой является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или

²³ См.: § 34 решения Международного суда ООН по делу «Барселона Трэкшн Лайт энд Пауэр Компани Лимитед» (Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited) (Бельгия против Испании) от 05.02.1970 // URL: <https://law.justia.com/cases/foreign/international/1970-icj-rep-3.html>.

²⁴ Так, в случае вторжения вооруженных сил Ирака в Кувейт Совет Безопасности ООН в соответствии со ст. 39 Устава ООН осудил вторжение и счел, что «имеет место нарушение международного мира и безопасности» (Резолюция от 02.08.1990 660). В Резолюции от 06.08.1990 661 ситуация была охарактеризована как «вооруженное нападение Ирака на Кувейт» и «оккупация» Кувейта, а затем «аннексия Кувейта Ираком», которая была признана недействительной (Резолюция от 18.08.1990 664). См.: URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1990>. Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (в ред. Федерального закона от 01.05.2019 № 83-ФЗ) формулирует понятие таких принудительных мер (ч. 6 ст. 3) и регламентирует участие России в их применении (ст. 41). См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24826>.

²⁵ Право вето прямо не предусмотрено Уставом ООН, однако в п. 3 ст. 27 речь идет о «совпадающих голосах всех постоянных членов Совета». О возможном саботаже признания акта агрессии через реализацию права вето см.: Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 306.

каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН (п. 1). Подчеркнем, что адресатом указанного определения для его толкования является Совет Безопасности ООН.

В основу упомянутого определения, по нашему мнению, были положены следующие основные критерии, способные проявлять себя в совершенных актах агрессии: 1) осуществление действий государством (на которое возлагается международно-правовая ответственность); 2) применение государством вооруженной силы; 3) направленность противоправных действий против территории (территориальных объектов) другого государства; 4) достаточная степень тяжести совершенных действий²⁶. Рассматриваемое определение со всей очевидностью не предполагает использование применительно к существительному «агрессия» каких-либо прилагательных (например, «идеологическая» или «экономическая») и исключает возможность совершения акта агрессии негосударственными субъектами (вооруженными группами и др.).

Перечисленные в ст. 3 названного определения действия государств в доктрине международного права подразделяются на *прямую* (п. «a-f») и *косвенную* (п. «g»)²⁷ агрессии; указанные подходы находят подтверждение в материалах судебной практики. Так, Международный Суд ООН в своем решении по делу «Военная и военизированная деятельность в Никарагуа и против нее» (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)²⁸ от 27.06.1986 уточнил понятие *косвенной агрессии*, распространив его на действия государства по оказанию помощи повстанцам, вооруженным бандам в форме предоставления им оружия, материально-технической или иной помощи²⁹.

Очевидно, при таком подходе не исключена вероятность разного рода злоупотреблений. В другом решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» (Демократическая Республика Конго против Уганды)³⁰ от 19.12.2005 Международный Суд ООН установил, что, активно оказывая военную, логистическую, экономическую и финансовую поддержку нерегулярным силам, действующим на территории Демократической Республики Конго, Республика Уганда нарушила принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип недопустимости применения силы, что расценивается как вмешательство.

Характерной для рассматриваемой модели является юридическая конструкция, в соответствии с которой применение вооруженной силы государством *первым* в нарушение Устава является *prima facie* (т.е. верным обстоятельством, до тех пор пока оно никем, ни в каком виде не оспорено) свидетельством *акта агрессии* (п. 2 определения). В результате для жертвы нападения возникает формальный повод для ответного применения вооруженной силы и объявления состояния войны.

В силу ст. 51 Устава ООН потерпевшее государство в связи с вооруженным нападением на него может реализовать свое право на индивидуальную или коллективную самооборону³¹. Таким образом, указанная статья Устава ООН прямо адресована государствам, и, следовательно, факт вооруженного нападения должен определяться первоначально самим потерпевшим государством, следствием чего и будет неоспоримое право в одностороннем порядке прибегнуть к вооруженной силе в порядке самообороны.

В этой связи не утрачивают своей актуальности дискуссии как о возможности осуществ-

²⁶ См.: Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. Е. Кирпичниковой и В. Садитдиновой. 2-е изд., доп., расшир. М.: МККК, 2013.

²⁷ В литературе также встречается наименование «непрямое вооруженное нападение».

²⁸ См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 1948–1991. Нью-Йорк, 1992. С. 198–213.

²⁹ По определению Суда, «вооруженное нападение включает в себя и акты так называемой *косвенной агрессии*, то есть засылки государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно прямому вооруженному нападению» (п. 103). См.: URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf>.

³⁰ См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 2003–2007. С. 175–196 // URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5387367b4.html>.

³¹ Устав ООН (преамбула) содержит целевую мотивировку: «Обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах».

вления превентивной самообороны³², так и о соразмерности применения силы при самообороне³³ (в том числе посредством использования ядерного оружия³⁴). В сущности, «применение вооруженной силы» охватывает все известные средства и методы ведения вооруженной борьбы. Не менее важно учитывать тонкую грань между категориями «война» и «международный вооруженный конфликт», а также применимость к ним норм международного гуманитарного права как *jus in bello*, не касающихся причин применения силы и не оценивающих войну как справедливую или агрессивную.

Правовые последствия установления факта агрессии сводятся к следующим констатациям: 1) агрессивная война является преступлением против международного мира; *агрессия* влечет за собой международную ответственность государства (п. 2 ст. 5 определения); 2) агрессия влечет индивидуальную уголовную ответственность *по международному праву* (за совершение «акта агрессии»).

Свое логическое завершение конструкция *универсальной модели ООН* получила в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г.³⁵ Во-первых, государства-участники 11 июня 2010 г., на 13-м пленарном заседа-

нии первой Обзорной конференции, согласовали текст определения преступления агрессии (ст. 8 bis), сведя воедино элементы двух основных отмеченных подходов. Так, в п. 1 перечислены четыре элемента объективной стороны преступления (планирование, подготовка, инициирование или осуществление) и фактически отражена нюрнбергско-токийская модель. Вторая часть того же пункта криминализирует акты агрессии как индивидуальное участие соответствующих лиц в совершении грубых нарушений Устава ООН. Таким образом, пункт 1 ст. 8 bis Римского статута Международного уголовного суда по содержанию корреспондирует п. 4 ст. 2 Устава ООН. Агрессия требует доказывания как *mens rea*, так и *actus reus*³⁶. Во-вторых, установлена процедура привлечения к ответственности: Международный уголовный суд (в соответствии со ст. 15 bis и 15 ter Римского статута) может осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступления агрессии³⁷ только при передаче ему соответствующей ситуации Советом Безопасности ООН или самим государством *proprio motu* (по собственной инициативе)³⁸.

Высказанные в зарубежных исследованиях предложения о том, что констатация акта аг-

³² См.: *Gray Ch. International law on the use of force*. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 235 ; *Тузмухамедов Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность // Россия в глобальной политике*. 2006. Т. 4. № 2. С. 204–213 ; *Фархутдинов И. З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права*. 2016. № 4. С. 97–124.

³³ См.: *Гринвуд К. Консультативное заключение относительно ядерного оружия и вклад Международного суда в развитие международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста*. 1997. № 316. С. 62–71 ; *Сандо И. Консультативное заключение Международного суда о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Международный журнал Красного Креста*. 1997. № 316. С. 7–9.

³⁴ Международный суд ООН указал, что угроза силой или ее применение посредством использования ядерного оружия, противоречащие п. 4 ст. 2 Устава ООН и не отвечающие всем требованиям ст. 51, являются незаконными (постановляющая часть, п. 2С). См.: Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, 8 июля 1996 г. // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/223450?v=pdf>.

³⁵ URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf).

³⁶ В юрисдикциях общего права большинство преступлений требуют доказательства как *mens rea* (психического состояния), так и *actus reus* (виновного деяния), прежде чем обвиняемый может быть признан виновным.

³⁷ В некоторых исследованиях отмечается, что государства — участники Международного уголовного суда последовали примеру Нюрнбергского трибунала и ограничили круг лиц, несущих уголовную ответственность за агрессию, лишь высшими государственными и военными руководителями и освободили от нее нижестоящих исполнителей. См.: *Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение*. 2013. № 4 (309). С. 112–120.

³⁸ См.: Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021/.

рессии в современном международном праве утрачивает значение, поскольку может рассматриваться как обычная норма³⁹, не выдерживает критики, поскольку не подтверждается единообразной практикой государств. В свою очередь, строгое следование универсальной модели ООН вообще не предполагает наступление индивидуальной уголовной ответственности за совершение актов агрессии по национальному законодательству, поскольку национальные суды не могут выносить приговоры «по международному праву».

В международно-правовом аспекте правило *jus ad bellum* (право на ведение войны) определяет легитимность применения силы и рассматривается доктриной как основание к вооруженному столкновению⁴⁰, находящее подтверждение в Уставе ООН. При этом если акт агрессии, совершенный против отдельно взятого государства, создает право на индивидуальную самооборону (и образует *casus belli*), то для двух и более государств, связанных обязательствами о коллективной самообороне, означает наступление условия (*casus foederis*), обязывающего оказать помощь союзнику. Действительно, Устав ООН не затрагивает неотъемлемого права государств на коллективную самооборону (ст. 51) и не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения вопросов безопасности (п. 1 ст. 52).

Весьма характерно, что в учредительных документах созданных региональных организаций безопасности закрепляется формула

«вооруженное нападение на одно государство — нападение на всех», определяется орган, правомочный констатировать акт агрессии, и устанавливаются механизмы коллективной обороны, помощи и поддержки. В этом находит отражение региональная модель противодействия актам агрессии. Не лишним оснований, хотя и не бесспорным, будет вывод о том, что государства тем самым достаточно своеобразно решили дезавуировать монополию Совета Безопасности ООН на установление актов агрессии, передав на надгосударственный региональный уровень как констатацию факта, так и организацию отражения агрессии. Так, статья 4 Договора о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.)⁴¹ предусматривает, что «если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств — участников настоящего Договора». В этом случае государства-участники предоставляют ему необходимую помощь и поддержку (военную и военно-техническую⁴²) в порядке осуществления прав на коллективную оборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Направления деятельности определены в ст. 7 Устава ОДКБ (Кишинев, 7 октября 2002 г.). Совет коллективной безопасности ОДКБ (в составе глав государств-участников) принимает решения, направленные на реализацию ее целей и задач (ст. 13 Устава), в том числе об установлении факта агрессии и задействовании механизмов коллективной обороны⁴³.

³⁹ Так, Герхард Верле и Флориан Джессбергер утверждали, что агрессивные войны криминализируются по обычному праву, но не акты агрессии, не относящиеся к войне. Другие выступали за более широкую концепцию, включающую другие акты агрессии, которые имеют широкомасштабные и серьезные последствия. См.: *Kemp G. Individual Criminal Liability for the International Crime of Aggression. Intersentia, 2016.*

⁴⁰ Право на ведение войны берет свое начало в доктрине справедливой войны (*bellum justum*). См.: *Кольб Р. О происхождении терминологической пары jus ad bellum / jus in bello // Международный журнал Красного Креста. Спец. вып. 320. 1997. С. 80–88.*

⁴¹ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1666031/.

⁴² См.: Протокол о механизме оказания военно-технической помощи государствам — членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии (Душанбе, 6 октября 2007 г.) // URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=12&nd=102601133&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%E0%EA%F2++.

Решение об оказании такой помощи принимается Президентом РФ. См.: Положение о порядке реализации в Российской Федерации Протокола о механизме оказания военно-технической помощи государствам — членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии (утв. Указом Президента РФ от 08.04.2013 № 343) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37026>.

⁴³ В случаях, предусмотренных статьей 4 Договора о коллективной безопасности, решение принимается Советом коллективной безопасности незамедлительно в порядке, предусмотренном Правилами про-

Межамериканский договор о взаимной помощи (Рио-де-Жанейро, 2 сентября 1947)⁴⁴ содержит положение (п. 1 ст. 3) о том, что нападение на любую страну из числа его подписавших будет означать нападение на все американские государства. Устав Организации американских государств (Богота, 30 апреля 1948 г.)⁴⁵ в ст. 3 подтвердил как принципы следующие положения: американские государства осуждают агрессивную войну, победа не дает прав (п. «f»); агрессия против одного из американских государств является агрессией против всех остальных (п. «g»). Решение о квалификации акта агрессии принимает Консультативный орган (ст. 9 Договора).

Пакт Африканского союза о ненападении и о создании общей системы обороны (Абуджа, 31 января 2005 г.) определяет агрессию шире, включая не только действия, совершенные против территории, но и нападение на другие составляющие государственности: политический суверенитет и население (ст. 1(с) Пакта). Совет мира и безопасности (PSC) является механизмом коллективной безопасности и раннего предупреждения для содействия своевременному и эффективному реагированию на конфликты и кризисные ситуации в Африке.

Североатлантический договор (Вашингтон, 4 апреля 1949 г.)⁴⁶ устанавливает, что вооруженное нападение на одно или несколько государств-участников в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом (ст. 5)⁴⁷. Правом определять свершившийся акт вооруженного нападения обладает Североатлантический совет (ст. 9)⁴⁸ — высший политический орган, принимающий решения по всем вопросам деятельности НАТО. Подчеркнем, что статья 6 Договора оперирует простой и понятной категорией «вооруженное нападение» (на территорию, вооруженные силы, суда или летательные аппараты) и не требует оценки как «акт агрессии».

Вместе с тем в доктрине и международной практике не находит удовлетворительного решения проблема осуждения агрессии военного блока, совершенного в отношении государств. Так, итогом более чем пятилетнего рассмотрения Международным Судом ООН жалобы Союзной Республики Югославии (Сербии и Черногории) на агрессивные действия 10 стран — членов НАТО (США, Испании, Бельгии, Канады, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Португалии и Великобритании) весной 1999 г. стали решения от 15.12.2004, в которых Суд не дал правовой оценки действиям агрессора, посчитав, что рассмотрение этих жалоб не входит в его компетенцию. Осуждение очевидного акта агрессии не состоялось.

Следует полагать, что основания для совместной самообороны также создают *двусторонние* союзнические обязательства в сфере обороны, закрепленные в международных договорах. В них находит отражение *двусторонняя* модель противодействия актам агрессии как механизм совместной самозащиты. Однако характерной чертой указанной модели, равно как и *региональных* моделей, является отсутствие механизмов привлечения к индивидуальной уголовной ответственности. Так, Договор о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.) предусматривает проведение согласованной политики в области обороны. Военная доктрина Союзного государства (утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 04.11.2021 № 5) в п. 20 установила, что «государства-участники рассматривают любые действия с применением военной силы, направленные против любого из государств-участников, как посягательство на Союзное государство в целом и будут предпринимать соответствующие ответные меры с использованием всех сил и средств, находящихся в их распоряжении».

Идентичные формулировки («Если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется агрес-

цедуры органов Организации Договора о коллективной безопасности (Правило 1) // URL: https://e-ecolog.ru/docs/l6cW_aQWYIA06iDaDKIBq/38.

⁴⁴ URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136174-mezhamerikanskiy-dogovor-o-vzaimnoy-pomoschi-riode-zhaneiro-2-sentyabrya-1947-goda>.

⁴⁵ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902051>.

⁴⁶ URL: https://www.nato.int/cps/ru/SID-36F4D09C-731D53FD/natolive/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru.

⁴⁷ При этом «вооруженное нападение на одну или несколько Договаривающихся сторон включает в себя вооруженное нападение: на территорию любой из Договаривающихся сторон...; на вооруженные силы, суда или летательные аппараты какой-либо из Договаривающихся сторон» (ст. 6).

⁴⁸ URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49763.htm.

сии (вооруженному нападению) со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия (вооруженное нападение) также против другой Договаривающейся Стороны») содержат Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзнничестве и стратегическом партнерстве (Сочи, 24 ноября 2014 г.) (п. 1 ст. 6) и Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзнничестве и интеграции (Москва, 18 марта 2015 г.) (п. 3 ст. 2). Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (Пхеньян, 19 июня 2024 г.) предполагает оказание военной помощи в случае нападения на одну из сторон (ст. 4).

В некоторых соглашениях содержатся нормы о недопустимости использования третьим государством территорий договаривающихся государств в целях подготовки или осуществления агрессии⁴⁹.

Механизм совместной обороны на двустороннем уровне реально был задействован в соответствии с договорами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и соответственно Донецкой и Луганской народными республиками от 21.02.2022. В статье 4 каждого из указанных договоров было закреплено обязательство оказывать помощь, включая военную, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Период выполнения Россий-

ской Федерацией *союзнических обязательств* по защите Донецкой и Луганской народных республик был ограничен временными рамками с 24 февраля по 30 сентября 2022 г.⁵⁰ В период международного вооруженного конфликта между Российской Федерацией и Украиной (с 30 сентября 2022 г.) Россия строго руководствовалась принятыми международно-правовыми обязательствами.

Международный Суд ООН 31 января 2024 г. в принятом итоговом решении по инициированному Украиной в январе 2017 г. разбирательству с Россией на основании Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (МКБФТ)⁵¹ принципиально отказался признать Россию «государством-агрессором», а также отверг украинские инсинуации о том, что ДНР и ЛНР якобы являются «террористическими организациями»⁵².

Полагаем, что с учетом всех обстоятельств вооруженного противостояния (в том числе оказания военной поддержки странами НАТО) с 30 сентября 2022 г. возникла потенциальная возможность констатации факта ведения агрессивной войны Украиной против РФ. Однако существовало ли такое официальное утверждение, нам неизвестно. Вместе с тем в Федеральном законе от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов»⁵³ предусмотрено финансовое обеспечение мероприятий, направленных на обеспечение дополнительной поддержки детей, семей с детьми, пострадавшими от агрессии Украины после 24 февраля 2022 г.⁵⁴

⁴⁹ Так, Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.) закрепил положение о том, что «ни одна из Сторон не допускает, чтобы ее территория была использована третьим государством в целях подготовки или осуществления агрессии или иных насильственных действий против другой Стороны» (ст. 4) (URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/).

⁵⁰ 30 сентября 2022 г. были подписаны договоры о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов: Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. Названные субъекты считаются принятыми в Российскую Федерацию с даты подписания указанных договоров. С 20 октября 2022 г. на вошедших в состав Российской Федерации территориях был введен режим военного положения.

⁵¹ URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/166/166-20240131-jud-01-00-en.pdf>.

⁵² URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1928844&lang=ru>.

⁵³ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311270070>.

⁵⁴ См.: п. 61 ч. 1 ст. 21 указанного Федерального закона. Детализируют положения Закона: Указ Президента РФ от 21.12.2023 № 975 «О мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, пострадавших от агрессии Украины» (URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50139>) ; постановление Правительства РФ от 01.03.2024 № 256 «Об утверждении Правил предоставления единовременной выплаты, установленной Указом Президента РФ от 21.12.2023 № 975 “О мерах социальной поддержки семей, имеющих

Вследствие возвращения в состав России «исторических территорий»⁵⁵ претерпела кардинальное изменение и территориальная ситуация. Однако вопрос о государственных границах остается открытым. С одной стороны, продолжают действовать Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе (Киев, 28 января 2003 г.)⁵⁶ и Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о демаркации российско-украинской государственной границы (Киев, 17 мая 2010 г.)⁵⁷. С другой стороны, положения указанных договоров вступают в явное противоречие с нормами российского законодательства, что недопустимо. Так, идентичные положения ч. 2 ст. 3 федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ (о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе новых субъектов) устанавливают, что граница новых субъектов РФ, сопряженная с тер-

риторией иностранного государства, является Государственной границей РФ. Таким образом, основания для выхода России из указанных выше договоров с Украиной более чем убедительные⁵⁸.

В контексте рассматриваемых проблем подчеркнем, что решения коллегиальных международных органов имеют иную правовую природу и носят рекомендательный характер, а попытки преодолеть «невыполнение Советом Безопасности его обязанностей», когда «имеются основания усматривать угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии», предпринимались неоднократно⁵⁹ и должны рассматриваться как узурпация полномочий. Так, Генеральная Ассамблея ООН приняла ряд резолюций, указывающих на агрессию, якобы совершенную Российской Федерацией против Украины⁶⁰. Однако факт констатации акта агрессии в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН не является правоустанавливающим⁶¹, поскольку такие резо-

детей, пострадавших от агрессии Украины, а также перечня документов (сведений), необходимых для ее назначения» (URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403040008>).

⁵⁵ Историки утверждают, что к ним также относятся Днепропетровская, Кировоградская, Николаевская и Одесская области.

⁵⁶ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46278/.

⁵⁷ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45176/.

⁵⁸ Так, закрепленные в Заключительном акте СБСЕ принципы нерушимости границ (принцип III), территориальной целостности государств (принцип IV) вступают в объективное противоречие с принципом самоопределения народов (п. 2 ст. 1 Устава ООН, трансформированный в принцип VIII Заключительного акта — «право народов распоряжаться своей судьбой»). Международный Суд ООН в консультативном заключении от 22.07.2010 постановил, что принятие Декларации о независимости (Косово) от 17.02.2008 не нарушало общих принципов международного права, поскольку международное право не содержит «запрета на провозглашение независимости» (URL: http://www.icls.de/dokumente/icj_advisory_opinion_kosovo_en.pdf).

⁵⁹ Так, в Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 03.11.1950 377 «Единство в пользу мира» отмечалось, что в случае непримиримых разногласий между постоянными членами Совета Безопасности ООН по поводу акта агрессии Генеральная Ассамблея ООН может «сделать рекомендации» членам ООН относительно коллективных мер, включая — в случае нарушения мира или акта агрессии — применение, когда это необходимо, вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. См.: URL: <https://www.un.org/ru/ga/about/garules/r5-377.pdf>.

⁶⁰ В частности, Резолюцию от 02.03.2022 ES-11/1 «Агрессия против Украины», которая «самым решительным образом» осудила «агрессию, совершенную Российской Федерацией против Украины в нарушение ст. 2 Устава ООН»; Резолюцию от 24.03.2022 ES-11/2 «Гуманитарные последствия агрессии против Украины»; Резолюцию от 07.04.2022 ES-11/3 «Приостановление права Российской Федерации на членство в Совете по правам человека»; Резолюцию от 12.10.2022 ES-11/4 «Территориальная целостность Украины: защита принципов Устава Организации Объединенных Наций»; Резолюцию от 14.11.2022 ES-11/5 «Содействие средствам правовой защиты и возмещению ущерба за агрессию против Украины» («Обеспечение возмещения ущерба и репарации за агрессию против Украины»), которая была нацелена на получение репараций, фактически грабеж российских активов; Резолюцию от 02.03.2023 ES-11/6 «Принципы Устава Организации Объединенных Наций, лежащие в основе всеобъемлющего, справедливого и прочного мира в Украине».

⁶¹ В частности, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом (п. 1 ст. 12 Устава ООН). Крайние меры, к

люции носят сугубо рекомендательный характер (ст. 10–11, 14 Устава ООН), а особенности их принятия путем выдвижения США ультимативных требований о «правильном голосовании» их западным «союзникам» хорошо известны.

Отмеченные обстоятельства позволяют также объяснить «связанность рук» при принятии ряда решений, в частности, осуждающих военную операцию НАТО против Югославии, состоянием международно-правового регулирования и оценками Совета Безопасности ООН⁶². Причина кроется в том, что в данном случае факт агрессии не был установлен Советом Безопасности ООН.

Основанием к постановке проблемы о целесообразности совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве РФ явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли международно-правовым обязательствам положения российского законодательства военного времени, и необходимость обосновать возможные пути его совершенствования в правотворчестве и правоприменении. В этом смысле под целесообразностью должны пониматься практическая полезность⁶³ и соответствие государственным интересам.

Отправной точкой экспертных оценок состояния российского законодательства (но не правоприменительной практики в отсутствие таковой) будет суждение о том, что отождествление «агрессивной войны» и «агрессии» является ошибочным и недопустимо, о чем говорилось выше.

Во-первых, корреспондирующие конституционные положения о том, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ч. 3 ст. 4 Конституции), защиту своего суверенитета и территориальной целостности (ч. 2.1 ст. 67

Конституции), позволяют утверждать, что агрессию против РФ следует рассматривать как явление (юридический факт), определяемое в соответствии с международным правом в рамках универсальной модели ООН и региональной модели противодействия актам агрессии (в частности, ОДКБ). Этот вывод находит подтверждение в ст. 79 Конституции РФ о передаче части своих полномочий межгосударственным объединениям и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете правил / норм международных договоров перед нормами законов, равно как и в тезисе о том, что общепризнанный принцип неприменения силы или угрозы силой является составной частью российской правовой системы. Равным образом применима *двусторонняя* модель противодействия актам агрессии как механизм совместной самозащиты, а также собственно модель индивидуальной самозащиты.

Во-вторых, в российском законодательстве получила закрепление и действует следующая правовая модель: акт агрессии, равно как и непосредственная угроза агрессии, влечет введение *военного положения* как специального административно-правового режима⁶⁴. При этом важнейший вопрос констатации собственно факта агрессии в законодательстве не разрешен, а лишь презюмируется, что далеко не одно и то же. В частности, в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент РФ вводит *на территории* Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ч. 2 ст. 87 Конституции РФ). К ведению Совета Федерации относится утверждение такого указа Президента РФ (п. «б» ч. 1 ст. 102 Конститу-

которым относятся приостановление осуществления прав и привилегий государства или исключение его из ООН (ст. 5–6 Устава ООН), осуществляются Генеральной Ассамблеей ООН исключительно по рекомендации Совета Безопасности ООН.

⁶² В частности, 20 марта 2024 г. Совет Федерации принял постановление об обращении палат Федерального Собрания Российской Федерации «К Организации Объединенных Наций, международным парламентским организациям и парламентам иностранных государств в связи с 25-й годовщиной агрессии государств — членов Организации Североатлантического договора против Союзной Республики Югославии». См.: URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/154757/>.

⁶³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2007. С. 872.

⁶⁴ См. подробнее: Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика : монография / Е. С. Болтанова, А. А. Здравцева, О. А. Золотова [и др.] ; отв. ред. проф. А. Ф. Ноздрачев. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Контракт, 2017. С. 141–160.

ции РФ, п. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», п. 1 ст. 5 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»). Порядок утверждения Советом Федерации указа Президента РФ о введении военного положения определен статьями 148–152 Регламента Совета Федерации.

В свою очередь, основания для введения военного положения закреплены в п. 2 ст. 3 Федерального конституционного закона «О военном положении», где приведен неисчерпывающий перечень (список) шести обстоятельств (деяний), образующих акты агрессии против РФ⁶⁵ (независимо от объявления иностранным государством или группой государств войны РФ) и охарактеризована непосредственная угроза агрессии, что соответствует международно-правовым обязательствам РФ. Подчеркнем, что и в определении 1974 г., и в рассматриваемом Федеральном конституционном законе указываются в качестве объектов нападения «территория», «порты или берега» как территориальные объекты, а также «силы» и «флоты», принадлежащие государству. При таком подходе нарушение «территориальной неприкосновенности» становится очевидным, однако нет необходимости в обосновании и доказывании нарушения «политической независимости государства» как конечной цели применения силы.

В-третьих, в соответствии со ст. 12 Федерального конституционного закона «О военном положении» Государственная Дума принимает, а Совет Федерации рассматривает федеральные законы по вопросам обеспечения режима военного положения (т.е. законы военного времени)⁶⁶. Однако это положение не в полной мере корреспондирует формулировкам п. «е» ст. 106 Конституции о законах «по вопросам войны и мира» (например, объявление войны, заключение мирного договора и др.).

В-четвертых, в соответствии с п. 5 ст. 7 и п. 2 ст. 8 Федерального конституционного закона «О военном положении» федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ, регулирующие применение предусмотренных в названном Федеральном законе мер (правоограничений), могут быть приняты как в период действия военного положения, так и до его введения. Образно говоря, такого рода акты могут напоминать конверты или пакеты в сейфе начальника штаба и «вскрываются» при наступлении времени «Ч» (при совершении акта агрессии).

В-пятых, статья 18 Федерального закона «Об обороне» предусматривает следующее: состояние войны «объявляется» (федеральным законом), а военное время «наступает» (т.е., по логике законодателя, происходит автоматически — с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий). Необходимость объявления состояния войны продиктована международно-правовыми обязательствами РФ⁶⁷. Однако следует иметь в виду, что принимаемый закон об объявлении состояния войны будет иметь экстерриториальное действие и четко обозначенных адресатов — иностранное государство или группу государств, совершивших акт агрессии против РФ или ее союзников.

И вот здесь возникает важный юридический аспект — собственно констатация факта совершения акта агрессии. Кто, какой государственный орган или должностное лицо в РФ обладает подобной компетенцией и вправе облекать государственную волю в правовую форму? Ответ пессимистично прост: такая компетенция в законодательстве РФ не определена⁶⁸. Так, в Указе Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской

⁶⁵ При этом пункты 1–4 и 5–6 указанного Федерального конституционного закона полностью соответствуют п. «а–d» и «f–g» ст. 3 определения агрессии, однако с расширением характеристики осуществляемого противоправного деяния до «группы государств», а вот пункт «е» данного определения опущен, поскольку на территории РФ отсутствуют (не размещаются) вооруженные силы других государств. Вместе с тем названное положение не теряет своей актуальности для законодательства тех стран, где размещены вооруженные силы иностранных государств.

⁶⁶ Подробнее см.: Батырь В. А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica. 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104.

⁶⁷ В частности, ст. 1 III Гагской конвенции об открытии военных действий от 18.10.1907.

⁶⁸ Например, компетенция Совета Безопасности РФ ограничена проведением стратегической оценки на основе анализа информации о военной опасности и военной угрозе, а также подготовкой Президенту РФ предложений о введении и об отмене военного положения и др. См.: Положение о Совете

и Херсонской областей»⁶⁹ приведена лишь констатация того, что «против территориальной целостности Российской Федерации применяется вооруженная сила».

Возвращаясь к заявленной проблеме определения целесообразности совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве Российской Федерации, полагаем возможным предложить объективную модель *пресечения вооруженного нападения и его последствий* как субъективного вменения⁷⁰ потерпевшим государством (группой государств) совершения акта агрессии государству-агрессору (группе государств). Она отражает подход, при котором центр тяжести при криминализации применения вооруженной силы в международных отношениях смещается с субъективных оценочных суждений на констатацию факта «совершения акта агрессии», т.е. вооруженного нападения либо фактического ведения военных действий, а также иных аналогичных явлений, поскольку они представляют собой более объективные и, соответственно, «поддающиеся измерению» юридические факты.

Нормативным источником данной модели также является международно-правовой запрет применения силы, отраженный в п. 4 ст. 2 Устава ООН, но ее определяющей характеристикой будут объективные проявления (совершение

акта агрессии как применение вооруженной силы против РФ или ее союзников либо угроза такой агрессии) и их констатация органами государственной власти, а не субъективные оценки цели применения вооруженной силы.

В этой связи следует проработать возможность оформления постановлением Совета Федерации: 1) не только утверждения указа Президента о введении военного положения, но и самой констатации факта агрессии путем внесения дополнений в законодательство и Регламент Совета Федерации; 2) объявления состояния войны и наступления военного времени (пп. 6 ст. 2 Федерального закона «Об обороне»)⁷¹ в случае фактического начала военных действий (а отнюдь не автоматического наступления, как следует из п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об обороне»). В основу констатации факта агрессии должны быть положены такие пороговые критерии, как масштабность и серьезность, а вот мнимая «очевидность» должна исключаться.

Подчеркнем, что уголовное законодательство РФ лишь частично находится в *нюрнбергско-токийской* парадигме криминализации преступления агрессии⁷². Действительно, статья 353 УК РФ дублирует ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, дифференцируя планирование, подготовку или развязывание *агрессивной*

Безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 07.03.2020 № 175) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45265>.

⁶⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48426>.

Данный Указ в полном соответствии с конституционными положениями был утвержден постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 19.10.2022 № 462-СФ (URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/139311/>). Полномочия высших должностных лиц (органов исполнительной власти) субъектов РФ в связи с введенным режимом были детализированы Указом Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756» (с изм.) (URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48425>).

⁷⁰ В уголовном праве принцип субъективного вменения содержательно характеризуется тем, что юридически значимыми и способными повлечь применение мер ответственности являются лишь те обстоятельства деяния, которые осознавались лицом, совершившим деяние, что имеет своим следствием личную природу уголовной ответственности. См. подробнее: Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998.

⁷¹ Президент РФ утверждает План перевода РФ на условия военного времени (пп. 7 п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обороне»).

⁷² Уголовное законодательство зарубежных государств содержит далеко не единообразные подходы к формулированию преступления агрессии. См.: Саяпин С. В. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 87–97.

В государствах Латинской Америки запрет агрессии также установлен конституциями нескольких стран, однако лишь Уголовный кодекс Кубы устанавливает ответственность за агрессивную войну. См.: Опалич Е. В. Проблемы имплементации международно-правового определения агрессии в законодательстве стран Латинской Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 23–26.

войны (ч. 1) и собственно ведение *агрессивной* войны (ч. 2)⁷³. Для квалификации преступности деяния необходима предварительная констатация факта войны как *агрессивной*. Однако, установив преступность агрессии как «преступление против мира», УК РФ не дает ответа на вопрос, что означает «предусмотренность ответственности в соответствии с международным правом»; в этой части Верховным Судом РФ какие-либо указания российским судам не были даны. Не вносят ясности в рассматриваемую проблему и комментарии к уголовному законодательству РФ⁷⁴, напрямую связывая вопрос о возбуждении уголовного дела с установлением Советом Безопасности ООН факта совершенного акта агрессии. В той же парадигме находится ч. 2 ст. 360 УК РФ.

Ответственным шагом должно стать изменение уголовного законодательства, где следует определить ответственность за совершение *акта агрессии*, установленного постановлением Совета Федерации либо Советом коллективной безопасности ОДКБ.

Субъектом преступления агрессии будет выступать высшее должностное лицо, отвечающее *лидерскому критерию*, т.е. фактически осуществляющее руководство и (или) контроль над политическими или военными действиями иностранного государства (при условии разрешения вопроса об иммунитетах такого

лица⁷⁵). При этом вооруженное посягательство на территорию РФ и ее территориальные объекты следует рассматривать как деяние, совершенное на территории Российской Федерации (ст. 11 УК РФ). В отношении же высших должностных лиц РФ, совершивших такого рода деяние, ответственность должна наступать за государственную измену (ст. 275 УК РФ), однако подобную ситуацию представить себе достаточно проблематично.

Определенный крен в сторону восприятия универсальной модели ООН наметился с введением Федеральным законом от 08.12.2020 № 425-ФЗ в УК РФ ст. 280.2, установившей ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации (отчуждение части территории), однако необходима его четкая дифференциация от квалификации акта агрессии. В этой связи пока не получили должной правовой оценки заявления лидеров иностранных государств о важнейшей артикулируемой ими цели вооруженного конфликта на Украине — возвращении к границам 1991 г., что неминуемо ведет к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

В свете вышеизложенного нельзя согласиться с предпринимаемыми даже в рамках научной дискуссии попытками расширительного толкования понятия агрессии (например, юри-

⁷³ В отечественной доктрине было высказано мнение о том, что «ведение агрессивной войны» следует усматривать только тогда, когда Совет Безопасности ООН официально подтвердит факт агрессии; вне такого признания возможна квалификация «развязывания агрессивной войны». См.: Лобач Д. В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2013. С. 9.

⁷⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. М. : Проспект, 2021 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2021 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Т. 2 : Особенная часть (разд. VII–VIII) / под науч. ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М. : Проспект, 2023 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд. / под ред. Г. А. Есакова. М. : Проспект, 2023 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд. / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2023.

⁷⁵ Так, в п. 1 ст. 27 Римского статута МУС установлено, что должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности. Государства — участники Статута отказались от любых существующих иммунитетов в отношении его применения, в том числе в рамках режима сотрудничества, предусмотренного в ч. 9. Данное положение основано на аналогичных нормах, содержащихся в ст. 7 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала, ст. 6 Устава Токийского международного военного трибунала, п. 2 ст. 7 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии, п. 2 ст. 6 Устава Международного трибунала для Руанды.

⁷⁶ Так, Договор СНГ о создании Экономического союза (Москва, 24 сентября 1993 г.) формулирует как международно-правовой принцип противодействие в случае осуществления экономической агрессии (ст. 1).

дической, экономической⁷⁶, информационной и др.)⁷⁷. Безответственное жонглирование терминологией опасно, поскольку агрессия и акты ее проявления всегда связаны с применением вооруженной силы, а иное истолкование ведет к расшатыванию и без того хрупкой правовой конструкции.

Заключение

В качестве итога рассмотрения заявленной темы в рамках данной статьи можно констатировать следующее.

Положения законодательства военного времени России соответствуют принятым международно-правовым обязательствам и позволяют адекватно реагировать на возникающие угрозы в сфере безопасности. Совершенно не отвергая выявленные международно-правовые модели (нюрнбергско-токийскую и универсальную ООН, а также региональные и двусторонние модели противодействия актам агрессии в рамках выполнения союзнических обязательств), Россия сообразует свои действия с принятыми обязательствами, направленными на поддержание существующего миропорядка, имея в виду возможное их задействование в случаях нарушения мира и совершения актов агрессии. Однако ранее переданное на надгосударственный уровень суверенное право констатации актов агрессии

нужно вернуть в российский арсенал констатаций фактов, имеющих юридическое значение.

Проблема совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве РФ и российских доктринальных документах существует и должна быть решена посредством корректировки подходов. С учетом геополитических и правовых аспектов должен найти отражение универсальный подход — объективная модель пресечения вооруженного нападения и его последствий как субъективного вменения Россией совершения акта агрессии государству-агрессору (группе государств), содержание которого образует криминализация совершения враждебных деяний против РФ (вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств), а также необходимость выполнения международных договоров Российской Федерации о совместной обороне. Следует проработать возможность оформления постановлением Совета Федерации самой констатации факта агрессии, объявления состояния войны и наступления военного времени в случае фактического начала военных действий. С целью превентивного воздействия на источники военных угроз в УК РФ должна быть закреплена ответственность за совершение акта агрессии высшими должностными лицами иностранного государства.

Сформулированные позиции могли бы стать основой дальнейшего развития российского законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика : монография / Е. С. Болтанова, А. А. Здоровцева, О. А. Золотова [и др.] ; отв. ред. проф. А. Ф. Ноздрачев. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Контракт, 2017. 528 с.

Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. Е. Кирпичниковой, В. Садитиновой. 2-е изд., доп., расш. М. : МККК, 2013. 639 с.

Бюньон Ф. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2002. № 847. С. 205–233.

Глотова С. В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2. С. 87–96.

⁷⁷ Так, 22 апреля 2024 г. в Совете Федерации Комитетом по международным делам совместно с Комитетом по конституционному законодательству и государственному строительству был организован круглый стол. Выступавшие предложили формулировку понятия *правовой (юридической) агрессии* как различных форм злоупотребления одними государствами юрисдикционными механизмами, направленными против прав и законных интересов другого государства (злоупотребление арбитражной юрисдикцией, иммунитетом высших должностных лиц и суверенных активов государства) (см.: URL: <http://council.gov.ru/events/news/155844/>).

Гринвуд К. Консультативное заключение относительно ядерного оружия и вклад Международного суда в развитие международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 316. С. 62–71.

Дзейтова Р. Б. Основание индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. М., 2024. 252 с.

Иногамова-Хегай Л. В. Вопросы преступления агрессии в международном уголовном праве // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М. : Европейская комиссия, 2008. С. 164–186.

Кибальник А. Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 300–310.

Кольб Р. О происхождении терминологической пары *jus ad bellum* / *jus in bello* // Международный журнал Красного Креста. Спец. вып. 320. 1997. С. 80–88.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд. / под ред. Г. А. Есакова. М. : Проспект, 2023. 896 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. М. : Проспект, 2021. 1520 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд. / отв. ред. А. И. Парог. М. : Проспект, 2023. 1032 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2021. 704 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Т. 2 : Особенная часть (разделы VII–VIII) / под науч. ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М. : Проспект, 2023. 680 с.

Лобач Д. В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2013. 25 с.

Лобач Д. В. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021. № 3. С. 38–44.

Лобач Д. В. Субъект преступления, проявляющегося в форме агрессии, в международном праве и российском уголовном законодательстве // Закон и право. 2011. № 4. С. 80–83.

Малахова О. В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. 167 с.

Малеев Ю. Н. Кого и как судили в Нюрнберге (история с продолжением) // Международное право. 2006. № 3 (27). С. 191–220.

Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 112–120.

Опалич Е. В. Проблемы имплементации международно-правового определения агрессии в законодательстве стран Латинской Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 23–26.

Сандо И. Консультативное заключение Международного суда о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 316. С. 7–9.

Саяпин С. В. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 87–97.

Тимошков С. Г. Агрессия как международное преступление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2017. 217 с.

Тимошков С. Г. Формирование юрисдикции Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 136–141.

Тузмухамедов Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2. С. 204–213.

Фархутдинов И. З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 97–124.

Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти : ТолПИ, 1998. 296 с.

Blokker N. The Crime of Aggression and the United Nations Security Council // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 867–894.

- Cassese A. On Some Problematical Aspects of the Crime of Aggression // *Leiden Journal of International Law*. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 841–849.
- Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 618 p.
- Daboné Z. International law: armed groups in a state-centric system // *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. Iss. 882. P. 395–423.
- Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2008. 334 p.
- Kamto M. *L'agression en droit international*. Paris : A. Pedone, 2010. 464 p.
- Kemp G. *Individual Criminal Liability for the International Crime of Aggression*. Intersentia, 2016. 286 p.
- Kramer R. C., Michalowski R. J. *War, Aggression and State Crime: a Criminological Analysis of the Invasion and Occupation of Iraq* // *British Journal of Criminology*. 2005. Vol. 45. No. 4. P. 446–469.
- Kress C. The Crime of Aggression before the First Review of the ICC Statute // *Leiden Journal of International Law*. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 851–865.
- McDougall C. *The Crime of Aggression under the Rome Statute of the International Criminal Court*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. 384 p.
- Muller-Schieke I. K. Defining the Crime of Aggression under the Statute of the International Criminal Court // *Leiden Journal of International Law*. 2001. Vol. 14. Iss. 2. P. 409–430.
- Pancraccio J. P. Un mutant juridique: l'agression internationale // *Institut de Recherche Stratégique de l'École Militaire — IRSEM*. 2011. № 7. 85 p.
- Reisinger Coracini A. Evaluating domestic legislation on the customary crime of aggression under the Rome Statute's complementarity regime // *The Emerging Practice of the International Criminal Court* / ed. by C. Stahn, G. Sluiter. Leiden ; Boston, 2009. P. 725–754.
- Zourek J. Enfin une définition de l'agression // *Annuaire français de droit international*. 1974. Vol. 20. P. 9–30.

REFERENCES

- Blokker N. The crime of aggression and the United Nations Security Council. *Leiden Journal of International Law*. 2007;20;(4):867-894.
- Boltanova ES, Zdorovtseva AA, Zolotova OA, et al. *Administrative and legal regimes in public administration in the Russian Federation: theory and modern practice: A monograph*. Ed. by Nozdachev AF. Moscow: IZISP under the Government of the Russian Federation: Kontrakt Publ.; 2017. (In Russ.).
- Boucher-Saulnier F. *Practical Dictionary of Humanitarian Law*. Transl. from French by Kirpichnikova E, Saditdinova V. 2nd ed., suppl., exp. Moscow: MKKK Publ.; 2013. (In Russ.).
- Brilliantov VA, editor. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Article by article: In 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Bunyon F. Just war, aggressive war and international humanitarian law. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. 2002;847:205-233. (In Russ.).
- Cassese A. On some problematical aspects of the crime of aggression. *Leiden Journal of International Law*. 2007;20;(4):841-849.
- Cryer R, Friman H, Robinson D, Wilmshurst E. *An introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
- Dabone Z. International law: Armed groups in a state-centric system *Revue. International Review of the Red Cross*. 2011;93(882):395-423.
- Dzeitova RB. *The basis of individual criminal responsibility for the crime of aggression*. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2024. (In Russ.).
- Esakov GA, editor. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Farkhutdinov IZ. Pre-emptive self-defense in international law: Application and abuse. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016;4:97-124. (In Russ.).
- Glotova SV. The crime of aggression: Some legal problems of definition in the Nuremberg Statute and the Rome Statute of the International Criminal Court. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017;2:87-96. (In Russ.).
- Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd ed. Oxford University Press; 2007.

Grinvud K. Advisory opinion on Nuclear Weapons and the contribution of the International Court of Justice to the development of international humanitarian law. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. 1997;316:62-71. (In Russ.).

Inogamova-Khegay LV. Issues of the crime of aggression in international criminal law. In: Bogusha GI, Trikoz EN, editors. *The International Criminal Court: Problems, discussions, search for solutions*. Moscow: European Commission; 2008. Pp. 164–186. (In Russ.).

Kamto M. *L'agression en droit international*. Ed. by A. Pedone. 2010.

Kemp G. Individual criminal liability for the international crime of aggression. Intersentia; 2016.

Kibalnik AG. The crime of aggression: The deceived expectations of international criminal law. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2019;2:300-310. (In Russ.).

Kolb R. On the origin of the terminological pair jus ad bellum / jus in bello. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. Special issue. 1997;320:80-88. (In Russ.).

Kozhukharik DN, editor. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Kramer RC, Michalowski RJ. War, aggression and state crime: A criminological analysis of the invasion and occupation of Iraq. *British Journal of Criminology*. 2005;4(4):446-469.

Kress C. The crime of aggression before the first review of the ICC Statute. *Leiden Journal of International Law*. 2007;20(4):851-865.

Lobach DV. Crimes against peace: Criminal law research. Author's abstract of Cand. Diss. (Law). Saratov; 2013. (In Russ.).

Lobach DV. Problematic aspects of the legal regulation of responsibility for the crime of aggression. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2021;3:38-44. (In Russ.).

Lobach DV. The subject of a crime manifested in the form of aggression in international law and Russian criminal legislation. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*. 2011;4:80-83. (In Russ.).

Malakhova OV. Aggression as a crime under international and national criminal law. Cand. Diss. (Law). Stavropol; 2003. (In Russ.).

Maleev YuN. Who and how was tried in Nuremberg (a story with a sequel). *Mezhdunarodnoe pravo [International law]*. 2006;3(27):191-220. (In Russ.).

Marusin IS. Definition of aggression in the Statute of the International Criminal Court and the statute of the Nuremberg Tribunal. *Pravovedenie*. 2013;4(309):112-120. (In Russ.).

McDougall C. *The crime of aggression under the Rome Statute of the International Criminal Court*. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2013.

Muller-Schieke IK. Defining the crime of aggression under the Statute of the International Criminal Court. *Leiden Journal of International Law*. 2001;14(2):409-430.

Obrazhiev KV, Pikurov NI, editors. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Vol. 2: Special part (Sections VII–VIII)*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Opalich EV. Problems of implementation of the international legal definition of aggression in the legislation of Latin American countries. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2021;3:23-26. (In Russ.).

Pancraccio JP. Un mutant juridique: l'agression internationale. *Institut de Recherche Stratégique de l'École Militaire IRSEM*. 2011;7.

Rarog AI, editor. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. 14th ed*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Reisinger Coracini A. Evaluating domestic legislation on the customary crime of aggression under the Rome Statute's complementarity regime. In: Stahn C, Sluiter G, editors. *The Emerging Practice of the International Criminal Court*. Leiden-Boston; 2009. Pp. 725–754.

Sando I. Advisory opinion of the International Court of Justice on the legality of the threat or use of nuclear weapons. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. 1997;316:7-9. (In Russ.).

Sayapin SV. Definition of the crime of aggression and national criminal law systems. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. 2012;1(2):87-97. (In Russ.).

Timoshkov SG. Aggression as an international crime. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2017. (In Russ.).

Timoshkov SG. Formation of the jurisdiction of the International Criminal Court in relation to the crime of aggression. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2017;3:136-141. (In Russ.).

Tuzmukhamedov BR. Pre-emption by force: «Carolina» and modernity. *Rossiya v globalnoy politike*. 2006;4(2):204-213. (In Russ.).

Yakushin VA. Subjective imputation and its significance in criminal law. Tolyatti: TolPI Publ.; 1998. (In Russ.).

Zourek J. Enfin une définition de l'agression. *Annuaire français de droit international*. 1974;20:9-30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батырь Вячеслав Анатольевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация

batyr_62@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav A. Batyr, Cand. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

batyr_62@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 1 августа 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 04.07.2024.

Revised 01.08.2024.

Accepted 15.12.2024.